

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Институт международных отношений,
истории и востоковедения**

IRANICA

**ИРАНСКИЕ ИМПЕРИИ И ГРЕКО-РИМСКИЙ МИР
В VI В. ДО Н. Э. – VI В. Н. Э.**

**КАЗАНЬ
2017**

УДК 94
ББК 63.3
184

Научные редакторы:

доктор исторических наук **О. Л. Габелко**,
доктор исторических наук **Э. В. Рунг**,
кандидат исторических наук **А. А. Сеницын**,
кандидат исторических наук **Е. В. Смыков**

Рецензенты:

доктор исторических наук **С. Г. Карпюк**,
доктор исторических наук **Е. А. Чиглинец**

IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н. э. – VI в. н. э. /
184 под ред. О. Л. Габелко, Э. В. Рунга, А. А. Сеницына, Е. В. Смыкова. – Казань: Изд-во
Казан. ун-та, 2017. – 364 с.

ISBN 978-5-00019-823-0

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография посвящена различным аспектам взаимодействий Греко-римской цивилизации и Ирана. В разделах, составляющих книгу, рассматриваются контакты Запада и Востока в широком хронологическом диапазоне – с момента зарождения этих отношений и до завершения античной истории. На основе значительного круга источников и обширной историографии историки и археологи России и зарубежных стран (Австрии, Великобритании, Германии, Испании, Польши, Украины, Франции) обсуждают взаимоотношения Эллады и Ахеменидской империи, взаимное восприятие греков и персов, политику Александра Македонского в отношении иранских народов, роль иранского политического наследия в истории эллинистического мира, военно-политическое противостояние Римской республики и империи с Парфией, а затем с Сасанидским Ираном.

Коллективная монография адресована специалистам в области антиковедения и ориенталистики, международных отношений, истории культуры, преподавателям и студентам гуманитарных факультетов вузов, а также всем, кто интересуется историей и культурой древнего мира.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-00019-823-0

© Издательство Казанского университета, 2017

KAZAN FEDERAL UNIVERSITY

**Institute of International Relations,
History and Oriental Studies**

IRANICA

**IRANIAN EMPIRES AND THE GRECO-ROMAN WORLD
FROM THE SIXTH CENTURY BC
TO THE SIXTH CENTURY AD**

**KAZAN
2017**

Science editors:

O. L. Gabelko (Doctor of Historical Sciences),
E. V. Rung (Doctor of Historical Sciences),
A. A. Sinitsyn (Candidate of Historical Sciences),
E. V. Smykov (Candidate of Historical Sciences)

Reviewers:

S. G. Karpiuk (Doctor of Historical Sciences),
E. A. Chiglintsev (Doctor of Historical Sciences)

**IRANICA: Iranian Empires and the Greco-Roman World from the Sixth Century BC
184 to the Sixth Century AD** / O. L. Gabelko, E. V. Rung, A. A. Sinitsyn, E. V. Smykov (eds). –
Kazan: Kazan University Press, 2017. – 364 p.

ISBN 978-5-00019-823-0

This multi-author monograph is the first historical study specifically dealing with the different kinds of contacts between Greco-Roman civilization and Iran in a broad chronological framework – from the origins of these contacts to the end of the ancient world. Distinguished historians and archaeologists from Russia and number of other countries (Austria, France, Germany, Poland, Spain, UK, Ukraine), drawing on many sources and an extensive historiography, consider political relations between Greece and the Achaemenid Empire, the mutual perception of the Greeks and Persians, the policy of Alexander the Great towards the Iranians, the Iranian component in the history and culture of the Pontic Kingdom as well as the relationship between Rome, Parthia, and Sasanian Iran.

The multi-author monograph is intended for specialists in the field of ancient history, oriental studies, international relations, history of culture, teachers and students in university departments of humanities, as well as for anyone interested in the history and culture of the ancient world.

ISBN 978-5-00019-823-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Иран и античный мир: тысяча лет взаимоотношений (вместо введения) <i>О. Л. Габелко, Э. В. Рунг, А. А. Сеницын, Е. В. Смыков</i>	14
ГЛАВА I. Ахеменидская держава и ее соседи	31
1. Чужие как свои: евнухи при Ахеменидском дворе <i>А. П. Кивни</i>	31
2. Должность военачальника в Ахеменидской империи <i>Э. В. Рунг</i>	45
3. Греки в Ахеменидской перспективе по данным клинописных текстов из Вавилонии и Персеполя <i>Р. Роллингер, В. Ф. М. Хенкельман</i>	65
4. «Скифы» под Мемфисом (ираноязычные кочевники в египетской компании Артаксеркса III) <i>А. В. Вертиенко</i>	90
5. Ахеменидские «импорты» на территориях к северу от границ Ахеменидской державы <i>М. Ю. Трейстер</i>	103
ГЛАВА II. Греческий мир и Ахеменидская держава	127
1. «Когда нагрянул Мидиец...»: Иония под властью Ахеменидов во второй половине VI – начале V в. до н. э. <i>М. Ю. Лаптева</i>	127
2. Канаты и мосты Греко-персидской войны <i>А. А. Сеницын</i>	137
3. Договоры о дружбе между греками и персидскими царями <i>Э. В. Рунг, Е. А. Вендиктова</i>	172
4. «Невероятные приключения европейцев в Азии» (знаменитые афиняне VI–V вв. до н. э. на территории Ахеменидской державы) <i>И. Е. Суриков</i>	181
5. «Гробница Аминты» в Тельмессе и Аминта, сын Бубара <i>Ю. Н. Кузьмин</i>	214
ГЛАВА III. Греки и иранцы в эпоху эллинизма	224
1. Персия и провозглашение Александра Великого царем при Гавгамелах <i>К. Д. Навотка</i>	224
2. Иранская фаланга Александра Великого <i>М. Я. Ольбрыхт</i>	234
3. Восточная политика Селевка II в свете новой надписи из Ирана (предварительные замечания) <i>С. В. Смирнов</i>	248
4. От Даскилия к Синопе: заметки о персидских истоках династии Митридатидов <i>Л. Бальестерос Пастор</i>	257
5. Иранское наследие в Понтийском царстве <i>Е. А. Молев</i>	276

ГЛАВА IV. Рим, Парфия и Иран: перипетии взаимоотношений	284
1. Парфянский поход Красса: к вопросу о некоторых аспектах кампании 54 г. до н. э. <i>Е. В. Смыков</i>	284
2. Итинерарий Мая Тициана как отражение римско-парфянских взаимоотношений <i>И. В. Пьянков</i>	299
3. Из наблюдений за структурой «Парфики» Арриана: датировка и жанр произведения <i>С. М. Первалов</i>	304
4. Иран, Туран и Рум <i>Й. Визехёфер</i>	315
ГЛАВА V. Восприятие персов в греко-римской традиции	325
1. Кир Великий как царь: взгляд Геродота <i>А. С. Сапогов</i>	325
2. Героизированное описание персов в «Истории» Геродота <i>Ю. О. Змитрякова</i>	340
3. Аммиан Марцеллин о царстве Ахеменидов (опыт источниковедческого анализа) <i>В. А. Дмитриев</i>	346
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	356
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	359

CONTENTS

PREFACE	9
Iran and the Classical World: a thousand years of interaction (Introduction) <i>O. L. Gabelko, E. V. Rung, A. A. Sinitsyn, E. V. Smykov</i>	14
CHAPTER ONE. The Achaemenid Empire and its Neighbours	31
1. Outsiders as Insiders: Eunuchs at the Achaemenid Court <i>A. P. Keaveney</i>	31
2. The title of an army commander in the Achaemenid Empire <i>E. V. Rung</i>	45
3. The Greeks in an Achaemenid perspective according to cuneiform texts from Babylonia and Persepolis <i>R. Rollinger, W. F. M. Henkelman</i>	65
4. The “Scythians” at Memphis (Iranophone nomads in the Egyptian campaign of Artaxerxes III) <i>H. V. Vertiienko</i>	90
5. Achaemenid “Imports” to territories to the north of the Achaemenid state <i>M. Yu. Treister</i>	103
CHAPTER TWO. The Greek World and the Achaemenid Empire	127
1. “When the Mede arrived...”: Ionia under the rule of the Achaemenids from the second half of the sixth to the beginning of the fifth century BC <i>M. Yu. Lapteva</i>	127
2. Ropes and bridges of the Persian War <i>A. A. Sinitsyn</i>	137
3. Treaties of friendship between the Greeks and the Persian Kings <i>E. V. Rung, E. A. Venidiktova</i>	172
4. Famous Athenians of the sixth and fifth centuries BC in the territory of the Achaemenid Empire <i>I. Ye. Surikov</i>	181
5. “The Tomb of Amyntas” at Telmessus and Amyntas, son of Bubares <i>Yu. N. Kuzmin</i>	214
CHAPTER THREE. The Greeks and the Iranians in the Hellenistic period	224
1. Persia and Alexander the Great’s proclamation at Gaugamela <i>K. D. Nawotka</i>	224
2. The Iranian phalanx of Alexander the Great <i>M. J. Olbrycht</i>	234
3. The Eastern Policy of Seleukos II in the light of a new inscription from Iran (preliminary remarks) <i>S. V. Smirnov</i>	248
4. From Dascylium to Sinope: remarks on the Persian roots of the Mithridatid dynasty <i>L. Ballesteros Pastor</i>	257
5. Iran’s legacy in the Pontic Kingdom <i>E. A. Molev</i>	276

CHAPTER FOUR. Rome, Parthia and Iran: the Vicissitudes of the Relationship	284
1. The Parthian campaign of Crassus: some aspects of the campaign of 54 BC <i>E. V. Smykov</i>	284
2. The itinerary of Maes Titianus as a reflection of Roman-Parthian relations <i>I. V. Pyankov</i>	299
3. Some notes on the structure of Arrian's "Parthica" <i>S. M. Perevalov</i>	304
4. Iran, Turan and Rum <i>J. Wiesehöfer</i>	315
CHAPTER FIVE. Perception of the Persians in the Greco-Roman Tradition	325
1. The kingship of Cyrus the Great: Herodotus' view <i>A. S. Sapogov</i>	325
2. The heroized description of the Persians in Herodotus' <i>Histories</i> <i>Yu. O. Zmitryakova</i>	340
3. The Achaemenid Kingdom in Ammianus Marcellinus' account (a source-study analysis) <i>V. A. Dmitriev</i>	346
ABBREVIATIONS	356
CONTRIBUTORS	359

3. Договоры о дружбе между греками и персидскими царями

Э. В. Рунг, Е. А. Венедиктова

Понятие «дружба» не является статичным, его содержание воспринималось различными народами в то или иное время по-разному. Л. Митчелл полагает, что качества, наполняющие «дружбу», сложно определить и нелегко ограничить жесткими параметрами. Между тем уже в древнем мире существовал определенный интерес к содержанию термина, который определял «дружбу» и отношения между людьми¹. Так, согласно Аристотелю, дружба основывается на трех различных типах: на добродетели, на удовольствии и на выгоде (*Arist. Nic. Eth.* 8. 1156a 6–10).

Можно выделить несколько разновидностей дружбы. Дружба, которая основывается на определенных обязательствах друг перед другом и на доверии, существует внутри социальных групп: между родственниками, друзьями, коллегами и т. д. В древней Греции дружба между полисами основывалась на частных и индивидуальных отношениях, которые устанавливались через родство между одними полисами с другими. Полисы устанавливали дружеские отношения также с индивидуальными лицами в других полисах через *проксению* и гражданство. В отличие, например, от *ксении*, которая базировалась на частных и индивидуальных отношениях, *проксения* представляла собой публичные и официальные взаимоотношения между индивидом и полисом².

Что касается дружбы между греками и персами, то обе стороны воспринимали ее по-разному. Л. Митчелл, в частности, справедливо полагает, что персы во всех проявлениях отношений выражали свое превосходство, в то время как греки воспринимали дружбу с ними как дружбу на равных условиях³. Однако исследовательница уделяет особое внимание лишь проявлению «частной» дружбы греков и персов, не распространяя этот свой вывод на межгосударственные отношения. В данной работе предполагается рассмотреть характер «дружественных» отношений греков и персидских царей, которые выражались в заключении между сторонами межгосударственных договоров.

Совсем недавно тему «дружбы» в греко-персидских отношениях исследовал М. Уотерс, однако он пришел к иным выводам, чем те, которые заявлены в нашей работе. Исследователь полагает, что это был особый вид взаимоотношений, который пришел на смену персидским требованиям земли и воды как знаков покорности. Обратившись к примеру с Аргосом, М. Уотерс оценивает установление дружбы аргосцев с царем Ксерксом как первый пример изменений во взаимоотношениях греческого города и персидского царя, когда требование земли и воды могло еще быть предъявлено⁴. В отличие от Уотерса, мы

¹ Mitchell 1997a, 3.

² Об этом подробнее: Mitchell 1997a, 3–72. Кроме того, Л. Г. Митчелл в другой своей работе утверждает, что дружба основана на позитивных эмоциях, и пытается исследовать их роль в греческих межполисных отношениях (Mitchell 1997b, 28–31).

³ Mitchell 1997a, 111–133.

⁴ Waters 2014, 329–334.

считаем, что греко-персидские отношения не проделали эволюцию от требования земли и воды к установлению «дружбы», но с самого их зарождения существовали различия в восприятии *φιλία* между сторонами: и греки, и персы были склонны интерпретировать эту «дружбу» по-своему.

История пестрит примерами разного рода договоров персов с эллинами⁵. Однако греки воспринимали союзы и договоры, заключенные с персами, по-своему, считая их равноправными. Так, Диодор (XII. 4. 5–6) называет Каллиев мир «договором о мире» (*συνθήκαι περὶ τῆς εἰρήνης*) и *σπονδαί*⁶. В свою очередь, оратор Андокид (III. 29) говорит о заключении Эпиликом с персидским царем Дарием II договора и дружбы на вечные времена – *σπονδὰς ποιησάμενοι καὶ συνθέμενοι φιλίαν εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον*⁷. Спартано-персидские соглашения периода Пелопоннесской войны Фукидид (VIII. 17. 4, 18. 1, 36. 2, 37. 1, 58. 1) и Ксенофонт (*Hell.* I. 5. 5) определяют как *ξυμμαχία* и/или *ξυνθήκαι*⁸. В то же время вполне очевидно, что персы рассматривали отношения с греками иначе, и попытка взглянуть на них с позиций Ахеменидов дает совершенно иные и подчас неожиданные результаты.

Начнем с обращения к концепции Э. Бэдиана, на наш взгляд, в основных чертах верной, хотя и не бесспорной. Свои представления о природе персидско-греческих договорных отношений этот исследователь выразил в трех своих работах. В статье «Геродот об Александре I Македонском» Э. Бэдиан пишет: «Мы очень хорошо знаем..., что в это время единственной формой союза с точки зрения Царя было подчинение. Человек, который называл себя Царем стран (DPa: *dahyūinām*), или, в более полной форме (DNa), Царем страны, включающей всех людей (*vispazanānām*), Царем этой земли великой и протяженной (DNa), Царем на всей земле (DSb), вряд ли мог иметь союзников на равных условиях»⁹. В более ранней своей работе, посвященной Каллиеву миру, исследователь также разъясняет свою позицию. Он замечает, что «нельзя представить царя, присягающего греческому городу на равных условиях»; «он мог ниспосылать эдикт, устанавливавший свои условия»¹⁰. Наконец, в статье о «Царском мире» историк заявляет, что в тех случаях, когда мы встречаем в источниках ссылки на Анталкидов мир как на договор греков с царем, они отражают, скорее, представления эллинов о статусе персидского царя по договору, нежели действительное положение дел. Реальный мир, условия которого были написаны на стеле, как замечает Э. Бэдиан, не мог содержать клятву царя, так как мир заключался не между царем и каким-либо греческим государством (или «греками» в целом)¹¹.

Однако Э. Бэдиан далее не конкретизирует свою позицию. Конечно, исследователь справедливо обращает внимание на сообщение Геродота, которое,

⁵ Об этих договорах см.: Рунг 2008, 132–274, 317–381; 2009а, 84–88.

⁶ Строецкий 1991, 158–168; 2008, 205–210; Рунг 2008, 132–179.

⁷ Рунг 2000, 85–96; 2008, 180–215.

⁸ Печатнова 1982, 85–108; Рунг 2008, 216–275.

⁹ Badian 1994, 108–109.

¹⁰ Badian 1987, 27; 1991а, 41.

¹¹ Badian 1991b, 38.

казалось бы, подтверждает его правоту. Кратко напомним, о чем идет речь. Геродот сообщает:

«После этого афиняне, Клисфена и 700 семей, выселенных Клеоменом, возвратив, посылают вестников в Сарды, желая заключить союз с персами: они полагали, что им предстоит воевать с лакедемонянами и Клеоменом. После того как послы прибыли в Сарды и сказали о своем поручении, Артаферн, сын Гистаспа, наместник Сард, спросил их, что это за люди такие и какую землю населяют и почему хотят стать союзниками персов: когда же он узнал от послов об этом, он кратко ответил им так: если афиняне дают царю Дарию землю и воду, он заключит с ними союз, если же не дают, он просил их уйти. Вестники же по своему собственному усмотрению сказали, что дают. После того как они возвратились назад, они испытали на себе великие обвинения»¹².

Следует обратить внимание, что афинские послы приходят заключить, по-видимому, равноправный военный союз – *συμμαχίη*, однако Артаферн требует от них землю и воду – знаки подчинения как неперемное условие заключения договора¹³. В случае заключения договора афиняне могли бы считать персов своими союзниками, а кем могли считать афинян персидский царь Дарий и сатрап Артаферн? Подданными?

Предположим, что предоставление земли и воды было обязательным условием ведения дальнейших переговоров греков с персидскими представителями власти; означало ли это, что должен был последовать какой-либо формальный договор? Именно так считает британская исследовательница Э. Курт, которая в своей статье «Земля и вода» пишет: «Требование земли и воды было предварительным условием заключения какого-либо детализированного соглашения»¹⁴. Нам ситуация видится иначе, и далее мы попытаемся доказать, что то, что греки воспринимали как договор, для персов таковым могло не являться, представляя собой особый статус – привилегированный или непривилегированный, который выражал лишь отношение подданных к Великому царю могущественной Персидской империи Ахеменидов.

Обратим внимание на характерное сообщение Диодора Сицилийского, который подчеркивает различие в статусе подданных царя. Историк (IX. 35. 1–3) сообщает, что после падения Лидийского царства в 546 г. до н. э. эллинские послы направили послов к Киру с намерением установить дружбу – *συνθέσθαι φίλιαν*. С послами беседовал военачальник царя Гарпаг, который рассказал свою историю о том, как он захотел жениться на некоей девушке, но ее отец посчитал его недостойным этого брака; когда же Гарпаг приобрел почет у царя, то отец девушки сам предложил ему в жены свою дочь, но тот ответил, что возьмет ее уже не в качестве жены, но в качестве наложницы. В итоге Диодор (IX. 35. 3) заключает:

«Этими словами он (Гарпаг – Э. Р., Е. В.) показал эллинам, что, когда Кир прежде предложил стать им друзьями персов (*γενέσθαι Περσῶν φίλους*), они не выразили желаний,

¹² Рунг 2008, 54–66; 2009b, 2–9.

¹³ См.: Kuhrt 1988, 87–99; Рунг 2007a, 41–60; 2007b, 3–26; 2008, 67–99; Rung 2015.

¹⁴ Kuhrt 1988, 87–99.

теперь же, когда дела их изменились, они стали заботиться о том, чтобы заключить дружбу (συνάψαι φιλίαν), но Кир согласился сделать их не союзниками по соглашению, а рабами, предоставившими персам свои клятвы верности» (ὡς μὲν πρὸς συμμάχους οὐ ποιήσεται τὰς ὁμολογίας, ὡς δὲ δούλους εἰς τὴν τῶν Περσῶν πίστιν ἑαυτοὺς παραδίδοντας προσδέξεται).

Таким образом, Диодор определенно демонстрирует, что Кир Великий отказался от предложения греков утвердить дружбу с ними, которая могла бы гарантировать их неприкосновенность, а потребовал их полного подчинения своей власти.

Итак, рассказ Диодора ясно противопоставляет два статуса по отношению к персидскому царю: 1) «друзей персов» – по представлению Кира, и союзников – по определению греков; 2) «рабов царя» – подданных.

На самом деле можно предполагать, что указанные различия в статусе были градацией только одного статуса – подданных царя, в одном случае находящихся в привилегированном положении («друзей царя»), в другом случае – непривилегированном («рабов царя»). В таком «привилегированном» положении находились, очевидно, граждане Милета. Геродот свидетельствует, что из всех малоазийских эллинов милетяне «были единственными, с которыми Кир заключил договор на тех же условиях, какие были ранее с лидийцем» (πρὸς μούνοὺς γὰρ τούτους ὄρκιον Κῦρος ἐποίησατο ἐπ' οἷσί περ ὁ Λυδός) (Hdt. I. 141) – вероятно, ссылка на договор Креза с милетянами, предоставляющий им определенные привилегии.

Приводимые далее примеры подтверждают, что то, что эллины считали договором о дружбе, с точки зрения персов было ничем иным, как соглашением о предоставлении привилегированного статуса «друзей царя». Вообще же с позиций персидского царя такой статус мог быть предоставлен как отдельному человеку, так и всему населению города¹⁵. Так, например, согласно эллинистическому историку Агафоклу, «Кир Великий своему другу Пифарху, уроженцу Кизика, подарил семь городов, как говорит вавилонянин Агафокл: Педас, Олимпий, Акамантий, <Тий>, Скептру, Артипс, Тортиру» (Agathocl. FGrH. 472. F. 6 = Athen. I. 54, 30a–b).

Обратимся к примеру с Аргосом. Все исследователи, ссылаясь на соответствующий пассаж Геродота, полагают, что аргосцы заключили договор о дружбе накануне вторжения Ксеркса в Элладу, однако с учетом рассмотренного материала все могло выглядеть несколько иначе.

Геродот (VII. 150–151) сообщает:

«Но есть еще и другой рассказ, распространенный в Элладе. Еще до сборов в Элладу Ксеркс, как говорят, послал глашатая в Аргос. По прибытии туда глашатай сказал: “Аргосцы! Царь Ксеркс говорит вам так: “Мы, персы, считаем себя отпрысками Персея, сына Данаи, и Андромеды, дочери Кефея. Мы все-таки, быть может, ваши потомки. Поэтому не подобает и нам воевать против своих предков, и вам в союзе с другими враждовать с нами. Оставайтесь дома и храните спокойствие. Если мой замысел удастся, то никого я не буду уважать больше, чем вас”. Это предложение царя аргосцы, как говорят, сочли весьма важ-

¹⁵ О применении определения «друзья царя» к отдельным личностям см.: Wiesehöfer 1980, 7–21.

ным и сначала не давали эллинам никаких обещаний и не выставляли требований. Только после того как эллины стали приглашать их вступить в союз, тогда-то аргосцы и потребовали участия в руководстве союзом, зная, что лакедемоняне не уступят. Это требование было простым предлогом, чтобы не воевать. С этим рассказом, как думают некоторые эллины, связан еще и другой случай, происшедший много лет спустя. Тогда в Мемноновом граде Сусах по другому делу находилось афинское посольство, именно Каллий, сын Гиппоника, с товарищами. В это же время и аргосцы также отправили послов в Сусы, чтобы спросить Артоксеркса, сына Ксеркса: может ли продолжаться дружба, заключенная с Ксерксом, как они этого хотят, или же царь считает их врагами (εἰ σφί ἔτι ἐμμένει ἐθέλουσι τὴν πρὸς Ξέρξην φιλίην συνεκέραισαντο ἢ νομίζοιατο πρὸς αὐτοῦ εἶναι πολέμιοι). Царь Артоксеркс ответил на это аргосцам, что дружба, безусловно, сохраняется и что нет для него города любезнее Аргоса (οὐδεμίαν νομίζειν πόλιν ἄργεος φιλιωτέραν)» (пер. Г. А. Стратановского).

Эпизод с Аргосом демонстрирует, что персидские цари Ксеркс и Артаксеркс I могли предоставить аргосцам статус «друзей царя», однако обуславливался ли этот статус предоставлением земли и воды и подчинением? Геродот не дает прямого ответа, но думается, что это было вполне возможно. Об этом может наглядно свидетельствовать другой эпизод, рассказанный «отцом истории». В данном случае речь идет о спартанском посольстве к царю Ксерксу, состоявшем из Сперфия и Булиса, которое было направлено в Сузы во искупление за расправу спартанцев с персидскими глашатаями, требовавшими землю и воду. Послы встретились с персидским военачальником Гидарном, который стал их убеждать добровольно подчиниться персидскому царю. Геродот (VII. 134–137) сообщает:

«На пути в Сусы прибыли они к Гидарну (родом персу), который был начальником персидского войска на азиатском побережье. Гидарн дружески принял спартанцев и за угощением спросил их: “Лакедемоняне! Почему вы избегаете царской дружбы? (φεύγετε βασιλεί φίλοι γενέσθαι). Вы можете видеть на моем примере, какое я занимаю положение – как царь умеет воздавать честь доблестным мужам. Так и вы, если предадитесь царю (царь ведь считает вас доблестными мужами), то он поставит каждого из вас, спартанцев, властителем области в Элладе”. На эти слова они отвечали так: “Гидарн! Твой совет, кажется, не со всех сторон одинаково хорошо обдуман. Ведь ты даешь его нам, имея опыт лишь в одном; в другом же у тебя его нет. Тебе прекрасно известно, что значит быть рабом, а о том, что такое свобода – сладка ли она или горька, ты ничего не знаешь. Если бы тебе пришлось отвесть свободы, то, пожалуй, ты дал бы нам совет сражаться за нее не только копьем, но и секирой”. Так они отвечали Гидарну» (пер. Г. А. Стратановского).

Рассказ Плутарха о тех же самых переговорах более лаконичный и определенный: «Полководец Индарн (вариант греческой передачи имени Видарна/Гидарн – Э. Р., Е. В.) долго их уговаривал, обещая приравнять к “друзьям царя” (φίλοι τοῦ βασιλέως), занимавшим у персов наиболее высокое положение» (Plut. Mor. 236 a)¹⁶. Итак, привилегированный статус «друзей царя» предусматривал добровольное подчинение персидской власти и должен был отличаться, в частности, от непривилегированного, который следовал за подчинением в результате завоевания.

¹⁶ См.: Рунг 2012, 24.

Другой аналогичный пример дают обстоятельства переговоров в 479 г. до н. э. в Афинах македонского царя Александра I, в качестве посланца Мардония, и самих афинян. Геродот (VIII. 140) сообщает:

«Прибыв в Афины посланцем Мардония, Александр сказал так: “Афиняне! Мардоний велел сказать вам: “Пришла ко мне весть от царя, гласящая: я дарую прощение афинянам за все причиненные мне обиды. Теперь, Мардоний, поступай так: отдай им не только их собственную землю, но пусть они, кроме того, возьмут еще сколько захотят земли и останутся свободными и независимыми. Все святилища их, которые я предал огню (если они захотят помириться со мной), восстанови. Этому царскому повелению я, Мардоний, должен повиноваться, если только вы не станете препятствовать. И я спрашиваю вас: почему вы с такой неистовой яростью начали войну с царем? Ведь вам никогда царя не одолеть и вы не будете в состоянии вечно ему противиться. Вам, конечно, известно, сколь велико войско Ксеркса и какие подвиги оно совершило. Вы слышали также, какая военная сила теперь у меня. Поэтому даже если бы вы меня и одолели (на что вы вовсе, как люди разумные, не можете рассчитывать), то явится вместо моего войска другое, гораздо более многочисленное. К чему вам равняться с царем и терять свою землю, к чему постоянно подвергать опасности свое существование? Примиритесь с ним! Ведь теперь у вас есть прекрасная возможность примирения, так как царь желает мира. Заключите с ним союз без коварства и обмана и будьте свободны! (ὁμαιχμίην συνθέμενοι ἄνευ τε δόλου καὶ ἀπάτης)”. Это передать вам, афиняне, поручил мне Мардоний. Что до меня, то я не буду говорить о моем к вам расположении, так как впервые вы об этом узнали не сегодня, но прошу вас – послушайте Мардония! Я представляю себе ясно, что вы не сможете вечно воевать с Ксерксом. Ведь если бы я видел, что вы в состоянии вести бесконечную войну, то, конечно, я никогда бы не явился к вам с таким предложением. Ведь мощь у царя превышает человеческую, и рука у него загребушая. Итак, если теперь вы не согласны на предложение, сулящее столь великую выгоду, то я страшусь за вас. Вы ближе всех ваших союзников живете к военной дороге и должны всегда одни расплачиваться за всех, так как ваша страна лежит в середине, как поле битвы между двумя противниками. Поэтому послушайте меня! Ведь вы должны высоко ценить, что великий царь только вас одних среди эллинов желает иметь друзьями (ἐθέλει φίλος γενέσθαι), простив все причиненные вами обиды”» (пер. Г. А. Стратановского).

В этом рассказе «отца истории» еще не говорится о том, как сами афиняне понимали персидские предложения. Однако уже при изложении речи афинских послов в Спарте Геродот (IX. 7) поясняет сущность персидских инициатив и тем самым раскрывает значение слова ὁμαιχμίη: царь возвращает территорию и желает, чтобы афиняне стали союзниками *на равноправных условиях* без обмана и коварства (τοῦτο δὲ συμμάχους ἐθέλει ἐπ' ἴση τε καὶ ὁμοίῃ ποιήσασθαι ἄνευ τε δόλου καὶ ἀπάτης). Из контекста понятно, что ни о каком равноправном договоре речи не идет, а царь Ксеркс предлагал афинянам подчинение себе на определенных привилегированных условиях. Это афиняне посчитали предательством Греции и ответили отказом (VIII. 144).

С учетом сказанного могут быть вполне понятными некоторые другие сообщения античных авторов. Так, например, по словам Плутарха (*Pelop.* 30), на дипломатической конференции в Сузах, которая имела место более чем через сто лет после рассмотренных событий, в 368/7 г. до н. э., царь Артаксеркс II торжественно объявил фиванцев старинными друзьями царя (Θηβαίους δὲ πατρίκους φίλους νομίζεσθαι βασιλέως). Итак, результатом вступления греков в дипломатические отношения с персами мог быть привилегированный статус

«друзей царя», который сами греки могли интерпретировать как договор о дружбе или о союзе, но фактически с персидской точки зрения он таковым не являлся, ибо требовал подчинения их власти Великому царю. Другим привилегированным статусом по отношению к царю обладали носители титула «благодетелей»¹⁷, о которых также говорит Геродот, и которые, с точки зрения греков, могли заключить с персами союз гостеприимства.

Геродот несколько раз ссылается на титул благодетеля (εὐεργέτης) царя, который получали за заслуги различные греки (Hdt. III. 139–140; VIII. 85; позднее, вероятно, «благодетелем царя» стал и спартанский военачальник Павсаний: Thuc. I. 129. 3). Геродот обращает внимание, что по-персидски царских благодетелей звали «оросангами» – Οἱ δ' εὐεργέται βασιλέος ὀροσάγγαι καλέονται Περσιστί (Hdt. VIII. 85). Как часто считают, термин «оросанг» происходит от древнеперсидского *varusanka – «широкопрославленный»¹⁸. Более или менее точно статус оросангов может прояснить фрагмент анонимного ритора, который ссылался на Нимфида Гераклеяского: «Нимфид Гераклеяский во второй книге “О Геракле” называет оросангами тех, кто имеет привилегию проэдрии, которые на [нашем] языке называются ксенами царя» (Nymphis ap. *Lex. Rhet.*, p. 83). Свидетельство Нимфида проясняет связь титула эвергета с проэдрией – почетным правом первого места на различных торжественных мероприятиях. Собственно, о последнем и говорит в отношении фиванцев Диодор, и теперь его сообщение находит дополнительное подтверждение (XVII. 14. 2): «Только фиванцев, единственных из эллинов, персидские цари почтили титулом *благодетелей*, и их послам приказано было ставить кресла впереди царских» (Diod. XVII. 14; ср.: Iust. XI. 3. 9–10; Arr. *Anab.* I. 9. 6–9). Но какое отношение статус оросангов может иметь к теме заключения греками договоров о дружбе с персами? Очевидно, самое непосредственное, ибо, как и в случае с «дружбой», оросангами (эвергетами, ксенами) царя могли стать не только отдельные личности, но и граждане городов, и приведенный выше пример фиванцев может предполагать, что последние были объявлены как «друзьями» царя (Plut. *Pelop.* 30), так и его «благодетелями» (Diod. XVII. 14). Сошлемся на один показательный пример. О пожаловании привилегированного статуса благодетелей/ксенов жителям греческого города за определенные заслуги еще перед царем Ксерксом также сообщает Геродот, и это его замечание заслуживает пристального внимания: «Ведь, несомненно, на обратном пути Ксеркс посетил Абдеры, заключил с абдеритами союз гостеприимства (ксению) и пожаловал им золотую “акинаку” и шитую золотом тиару» (VIII. 120). Можно предположить также, что если «дружба» становилась первым, так сказать, начальным проявлением взаимоотношений греков и персидского царя, и была непосредственно связана с установлением такого рода отношений (в результате предоставления земли и воды), то включение их в число «благодетелей» царя могло непосредственно повысить их статус уже в Ахеменидской империи, и, как показывают приведенные примеры, должно было относиться чаще всего к царским подданным.

¹⁷ Об этом см. также: Wiesehöfer 1980, 7–21.

¹⁸ Дандамаев, Луконин 1980, 148.

Понятно, что высказанные в этом разделе положения требуют дальнейшего развития и подтверждения новыми данными с учетом персидских и эллинских представлений о дружбе. Однако даже из приведенного материала следует, что у греков и у персов существовало значительное различие в восприятии «дружественных отношений» греческого города с царем.

Treaties of Friendship between the Greeks and the Persian Kings

E. V. Rung, E. A. Venidiktova

The paper deals with the perception of treaties between Greeks and Persian kings by both parties. It is argued that the Greeks saw these treaties as concluded on equal terms, while the Persians considered them to be establishing the king's superiority. It is proposed that there were two kinds of agreement (as the result of earth and water giving) that the Great King used to offer to the Greeks. If the act of giving earth and water was completely voluntary, then it would provide a privileged status and the result would be considered by Greeks as a treaty of alliance and/or friendship. If a state had been subjected to the Persians by military pressure or as a result of actual defeat, then this led to an unprivileged status involving more severe conditions of capitulation. The difference between the two kinds of agreement consisted in the fact that a privileged treaty provided a King's-friend status and recognized internal autonomy and self-government, while an unprivileged one put a state in the hands of a Persian-appointed governor.

Литература

1. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. 1980: Культура и экономика древнего Ирана. М.
2. Печатнова Л. Г. 1982: Спарта и Персия в конце V в. до н. э. // Проблемы античной государственности / Э. Д. Фролов (ред.). Л., 85–108.
3. Рунг Э. В. 2000: Эпиликов мирный договор // ВДИ. 3, 85–96.
4. Рунг Э. В. 2007а: Дипломатическое выражение персидского империализма: персидские требования земли и воды // Мнемон. 6, 41–60.
5. Рунг Э. В. 2007б: Практика предоставления земли и воды в греко-персидских отношениях // ВДИ. 4, 3–26.
6. Рунг Э. В. 2008: Греция и Ахеменидская держава. История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н. э. СПб.
7. Рунг Э. В. 2009а: Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань.
8. Рунг Э. В. 2009б: Афины и Персия: первые контакты // АМА. 13, 2–9.
9. Рунг Э. В. 2012: Тиссаферн и Гидарниды в контексте политической истории Ахеменидской державы в V в. до н. э. // ВДИ. 1, 16–39.
10. Строгоцкий В. М. 1991: Проблема Каллиева мира и его значение для эволюции Афинского морского союза // ВДИ. 2, 158–168.
11. Строгоцкий В. М. 2008: Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478–431 гг.). СПб.

12. *Badian E.* 1987: The Peace of Callias // *JHS.* 107, 1–39.
13. *Badian E.* 1991a: From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentekontaetia. Baltimore.
14. *Badian E.* 1991b: The King’s Peace // *Georgica. Greek Studies in Honour of George Cawkwell / M. A. Flower, M. Toher (eds) (Bulletin of the Institute of Classical Studies, 58).* London, 25–48.
15. *Badian E.* 1994: Herodotus on Alexander I of Macedon: A Study in Some Subtle Silences // *Greek Historiography / S. Hornblower (ed.).* Oxford, 107–127.
16. *Kuhrt A.* 1988: Earth and Water // *Achaemenid History. 3: Method and Theory / A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg (eds).* Leiden, 87–99.
17. *Mitchell L. G.* 1997a: Greek bearing gifts: the public use of private relationships in the Greek world, 435–323 BC. Cambridge, 1997.
18. *Mitchell L. G.* 1997b: Φιλία, εὔνοια and Greek Interstate Relation // *Antichthon.* 31, 28–44.
19. *Rung E.* 2015: The Language of the Achaemenid Imperial Diplomacy towards the Greeks: The Meaning of Earth and Water // *Klio.* 97. 2, 503–515.
20. *Waters M. W.* 2014: Earth, Water, and Friendship with the King: Argos and Persia in the Mid-Fifth Century // *Extraction & Control. Studies in Honor of Matthew W. Stolper / W. Henkelman, C. E. Jones, M. Kozuh, C. Woods (eds).* Chicago, 329–334.
21. *Wiesehöfer J.* 1980: Die “Freunde” und “Wohltäter” des Grosskönigs // *StIr.* 9, 7–21.

